

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
АНДИЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ З.М.БАБУРА
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ
КАФЕДРА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ**

На правах рукописи

ИСАМБАЕВА НИЛУФАР ШУХРАТБЕКОВНА

**Социально-экономическая жизнь американских колоний Испании в XVI-
XVIII веках**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ

РАБОТА

**НА СОИСКАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СТЕПЕНИ БАКАЛАВРА ПО
НАПРАВЛЕНИЮ ОБРАЗОВАНИЯ 5120300 – ИСТОРИЯ
(ПО СТРАНАМ МИРА)**

Руководитель работы: старший преподаватель А.Тургунов

Андижан-2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-12
1.ФОРМЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ КОЛОНИЯМИ	13-25
2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОЛОНИЙ.....	26-39
3. ЗАКРЕПЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО СТАТУСА ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ.....	40-53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	54-58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЛИТЕРАТУР.....	59-60

ВВЕДЕНИЕ

Предмет исследования. Прежде всего, о предмете исследования. Мы рассматриваем историю Латинской Америки как историю всех народов, населявших и населяющих территорию Американского континента к югу от Рио-Гранде. Мы исходим из концепции латиноамериканской истории как единого целого, характеризующегося общностью культурно-этнических основ и исторических судеб и занимающего определенное место в современной картине мира. Эта общность возникла еще в древности, до встречи индейцев с европейцами и обрела большую устойчивость с XVI в., когда на всем пространстве от Мексиканского нагорья до Патагонии утвердились единые принципы государственности, однотипные производственные отношения (не исключавшие, конечно, многообразия форм этих отношений) и постепенно развивавшиеся хозяйственные связи¹.

Эти интегрирующие факторы латиноамериканской истории находились в то же время в сложном диалектическом взаимодействии с факторами дезинтегрирующими. К последним следует отнести различия в географических условиях проживания и экономической деятельности, в структурах формировавшихся этносов, удельный вес индейских элементов, находившихся к тому же на различных уровнях социально-экономического развития к моменту европейской колонизации; место рабства черных невольников; интенсивность иммиграционных потоков из Европы в XIX— начале XX в. и т.д. Словом, в поле зрений наших исследований оказывается вся совокупность векторов, составляющих единую линию исторического развития Латинской Америки.

Так, Новый Свет не знал классической формы рабовладения, полисной организации общества, характерной для античного Средиземноморья. Даже культуры городов-государств майя I тысячелетия н. э. скорее напоминали

¹ Альперович М.С. «История индейского населения Южной Америки»-М.: 1988.

ранневосточные деспотии, чем полисное устройство. Империи древних индейцев в существенных чертах воспроизводили типы общественных отношений, характерных для так называемого азиатского способа производства, но об их способности к социально-экономической трансформации невозможно судить, поскольку процесс естественного развития неоднократно прерывался из-за разрушительных миграций и наконец был насильственно прекращен европейскими завоеваниями в XVI в.

Следующая формационная ступень — феодализм — самая сложная и дискуссионная тема в латиноамериканской истории. Феодально-абсолютистские монархии, каковыми в XVI—XVIII вв. являлись Испания и Португалия, стремились воспроизвести в своих колониях порядки, соответствовавшие социальным и политическим отношениям в метрополии. Но прямой перенос не состоялся. Начался сложный синтез институтов собственности и власти из элементов, и сохранившихся от доколумбовых обществ, и привнесенных из Европы. К тому же оказалось, что во многих районах не хватает людей как основной производительной силы, и для получения необходимой массы прибавочного продукта пришлось прибегнуть к массовому использованию труда африканских рабов, что породило в ряде областей довольно мощный уклад плантационного рабства (в Бразилии и на островах Карибского бассейна он даже стал господствующим). Возникла сложная картина многоукладной экономической системы, механизм функционирования которой еще предстоит детально проанализировать науке.

Нелегко поддается анализу и процесс становления и развития следующей формации — капиталистической. Капитализм в Латинской Америке обладал определенной спецификой на всех фазах его развития — от первоначального накопления капитала вплоть до образования монополистического капитала.

Актуальность темы. При написании данной работы преследовали цель показать историю континента как составную часть всемирной истории. Эта цель реализовывалась двояко: во-первых, путем анализа действия

универсальных законов исторического развития, в наиболее общей и законченной форме выявленных теорией смены общественно-экономических формаций; во-вторых, поиском реальных связей между различными элементами исторического процесса, явлениями истории как таковыми¹.

Само «открытие Америки», выражаясь языком традиционной историографии, или «встреча культур», как стали говорить в последнее время, знаменовало возникновение нового качества в истории человечества — действительное объединение ее частей в единое целое и активное взаимодействие этих частей.

Мы считаем возможным использовать оба понятия. Действительно, различия в уровнях социально-экономического развития не дают оснований к заключению о преимуществах тех или иных культур. Культура каждого народа самобытна и имеет непреходящую ценность. Поэтому мы разделяем позицию тех ученых, которые считают, что на рубеже XV и XVI столетий состоялась встреча двух цивилизаций, двух культур. Однако эта встреча носила характер столкновения, имевшего драматические последствия для коренных обитателей Америки. Роль субъекта исторического действия в этот момент пытались взять на себя европейцы, тогда как индейцам отводилась роль объекта (в экономическом плане — объекта эксплуатации, в социальном — подчинения иерархическим нормам феодального общества, в духовном — христианизации и включения в систему нравственных и эстетических ценностей завоевателей). Поэтому кажущаяся европоцентристской формула «открытие Америки» не может быть просто отброшена. Обе формулы, как две стороны медали, отражают основные аспекты важнейшего исторического процесса.

В самом деле. Захваты Испании и Португалии, а затем и других стран Европы в Америке коренным и драматическим образом изменили жизнь

¹ Лавров Н.М. «История Латинской Америки - доколумбовая эпоха – 70 е годы XIX века» - М.; 1991.

местного населения. Причем естественное развитие было нарушено на фазе существенных сдвигов в развитии индейских цивилизаций (ирригационные системы земледелия в Месоамерике, обработка металлов в Тауан-тинсуйу, иероглифические «кодексы» майя и т. д.), обещавших ускорение в формировании более зрелых форм и структур классового общества, несмотря на разрушительные последствия межэтнических столкновений.

Необходимость хозяйственного освоения огромных пространств открытых земель, ожесточенное сопротивление индейцев и стремительное сокращение местного населения побудили конкистадоров и колониальные власти прибегнуть к массовому ввозу в Америку негров-рабов с Западного побережья Африки. Экспедиции за «живым товаром» нанесли непоправимый ущерб африканским культурам, надолго задержали и даже обратили вспять развитие ряда регионов Африки. Наконец, открытие Америки дало простор первоначальному накоплению капитала в Европе, пробило брешу в плотинах на пути развития капитализма в Старом Свете. Мощным побудительным стимулом при этом послужило золото и прочие драгоценные металлы, вывезенные из Америки в XVI—XVIII вв.

Европейцы с самого начала стремились строить свои отношения с индейцами на основе реализации модели «субъект—объект». Однако эта модель не реализовалась и не могла реализоваться в полной мере. С течением времени местная культура, местные традиции проявляли себя все заметнее в поведении и трудовой деятельности переселенцев. Шел процесс синтеза культур и наций, приведший к образованию новых этносов, роль которых в формировании общечеловеческой культуры росла век от века. Латинская Америка не только подарила миру бесценный список возделываемых растений, без которых невозможно представить рацион питания современного человека, но и обогатила мировую культуру высочайшими достижениями литературы и изобразительных искусств (достаточно вспомнить животворную поэтическую традицию от Хуаны Инес де ла Крус до Пабло Неруды, латиноамериканский

роман XX в., живопись мексиканских муралистов и многое другое), науку — оригинальными концепциями экономического развития, революционную теорию — заново осмысленным опытом народных движений, международные отношения — миротворческими усилиями.

Включение Латинской Америки в контекст мировой истории в колониальный период шло в первую очередь через формирование международного капиталистического рынка. Латиноамериканский регион не только стал базой добычи драгоценных металлов, но и поставлял в больших количествах в Европу продукцию плантационного сельского хозяйства — в основном сахар. Латинская Америка, в свою очередь, являлась потребителем европейских товаров, обычно ввозимых контрабандным путем, а также идей и учений Старого Света. Латиноамериканская интеллигенция тяготела к европейской культурной традиции, преимущественно романо-католическому варианту. Распространение среди креольской верхушки идей и политических учений, вызревших в Старом Свете и в Северной Америке, в силу различия исторических условий производило порой совсем иной эффект. Так, идеи Просвещения, питавшие в Европе социальные устремления третьего сословия, за океаном послужили интеллектуальной и моральной основой формирования антиколониального сознания имущих слоев населения, в том числе и крупных земельных собственников. Таковы своеобразные проявления единого мирового процесса.

Война за независимость в Латинской Америке подчеркнула приобщенность народов этого континента к мировой истории. Она оказалась генетически связанной с революционными событиями в Европе, которые стали детонатором мощного освободительного движения в Новом Свете. В отдельных чертах война за независимость приобретала характер буржуазной революции (торжествующий республиканизм, формирование институтов политической власти и основных законов по образцу передовых стран Европы и США, фритредерские тенденции и т. д.). Однако последовательного развития

буржуазные тенденции не получили. Более того, республиканский образ правления не стал препятствием для установления авторитарных, диктаторских режимов и власти каудильо, высвобождение торговли от запретов и ограничений вызвало приток иностранных товаров, разорявший местную промышленность и ослаблявший позиции буржуазных элементов в латиноамериканских странах. В считанные годы сошла с политической арены плеяда блестящих мыслителей и революционеров, воодушевленных идеями Просвещения и социальных перемен: в Аргентине на смену Морено и Ривадавии приходит зловещая фигура Росаса; в Мексике борец с рабством Герреро уступил место беспринципному диктатору Санта Анне; Колумбия, потеряв Боливару и Сантандера, вступила в полосу гражданских войн, подогревавшихся честолюбивыми амбициями кандидатов в диктаторы. Похожая ситуация складывалась и в других странах. Даже в тех государствах, где проявился дух преобразований (Парагвай Франсии, Чили Порталеса, Венесуэла «либеральных каудильо»), он не смог парализовать консервативные олигархические силы, добивавшиеся почти повсеместно установления своего политического господства¹.

В Европе процесс становления буржуазного общества не был прямолинейным: на протяжении XIX в. не раз ввергались в революции многие страны континента. Даже Франции после Великой революции XVIII в. пришлось пережить еще три революционных потрясения. И в Латинской Америке наблюдалось несколько революционных волн. Однако не в этой похожести заключена основная связь латиноамериканской истории со всемирно-историческим процессом. Глубинная связь лежала в экономической сфере.

Латинская Америка втягивалась в процесс формирования мирового капиталистического рынка, в котором заранее оказались расписаны роли всех действующих лиц на многие десятилетия вперед. Еще в первой половине XIX в.

¹ Григулевич И.Р. «Крест и меч: католическая церковь в Испанской Америке» - М., Наука, 1987

латиноамериканские страны начали испытывать усилившееся экономическое и политическое давление Великобритании. А к концу века вслед за английскими капиталистами в Латинскую Америку устремились и финансовые круги других европейских стран, а также США.

На протяжении XX в. выработывалась модель, получившая в международной экономической литературе название Север— Юг, где латиноамериканские, так же как и азиатские и африканские, страны сформировали зону отсталости, базу сырья и трудовых ресурсов, рынка промышленных товаров, произведенных в развитых странах капитализма. Эта модель в основных чертах сформировалась к концу 20-х годов, когда экономический кризис 1929— 1933 гг. показал, как крепко привязана Латинская Америка к мировой капиталистической системе.

Однако нельзя и упрощать роль западного капитала в судьбах Латинской Америки. Он действительно способствовал деформации экономики латиноамериканских стран, искал и находил поддержку со стороны консервативных сил, в то же время иностранный капитал нес с собой новые технологии, подключался к программам развития государств континента, вызывавшим здесь изменения социально-экономических структур. Развитие буржуазии и рабочего класса Латинской Америки способствовало дальнейшему сближению латиноамериканской и мировой истории в идейной и политической сферах.

Степень изученности. В первую очередь если остановиться степени изученности мы можем взять таких авторов: Гумбольдт. А « Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799- 1804 гг.» - М., 1969 г в трёх томах и основная литература «История Латинской Америки доколумбова эпоха- 70-е года XIX века» под редакцией Лаврова Н.М.- М., 1991 и ряд других авторов в которых мы будем ссылаться ниже следующих главах в нашей работе.

Проблема идентификации истории Латинской Америки как части всемирно-исторического процесса оказалась не единственной теоретической проблемой, которую пришлось написать этого труда.

Периодизация истории Латинской Америки до сих пор остается областью научных споров. Если вычленение таких крупных блоков, как Древнейшая и Древняя Америка, колониальная история и освободительная война, не вызывает разногласий большинства историков латино-американистов различных школ и направлений (здесь дискуссионными остаются в основном вопросы внутренней разметки этих эпох), то периодизация последующей истории оказывается поливариантной.

Первый период: от окончания войны за независимость (1826 г., для Бразилии — 1822 г.) до 70-х годов XIX в. Это — время становления национальных государств в Латинской Америке, созревания буржуазных отношений, составлявших к концу этого периода если не ведущий, то по крайней мере наиболее динамичный, системообразующий уклад. Естественно, момент завершения этого периода для различных стран не одинаков: для Мексики — это окончание эпохи либеральных реформ (1876 г.), для Бразилии — свержение монархии (1889 г.), для группы Андских стран — Тихоокеанская война (1879— 1883 гг.), последствия которой серьезно отразились на темпах их развития, и т. д.

Большую сложность для исследования истории Латинской Америки, этой дипломной работы представляла собой освещение данной проблемы. Известная целостность предмета или типологическая близость его частей в эпохи доколумбовой Америки, колониального режима и войны за независимость позволили широко использовать проблемно-синтетический подход, который, не исключая описания и детализации отдельных исторических явлений, делает упор на генерализацию линии развития, выявление наиболее характерных черт той или иной эпохи.

Избранная последовательность изложения национальных историй определялась масштабом и значением событий в латиноамериканских странах при учете историко-географических факторов, позволяющих выявлять регионы и субрегионы. Несомненно, однако, что всякая регионализация приближительна и условна. Чили, например, может с равной степенью убедительности сопрягаться с Перу и Боливией как соучастниками сложных международных споров, которыми насыщена история XIX в.; в то же время Чили может быть соотнесено по существенным экономическим и демографическим признакам с Аргентиной. Парагвай по природным условиям и историческим корням тяготеет к Аргентине и Уругваю, а индейский фактор и экономическая обособленность в то же время сближают его с Боливией. Панама тяготеет и к Колумбии, и к Центральной Америке. Венесуэла принадлежит и к Андским странам, и к зоне Карибского бассейна. На разных этапах исторического развития указанные моменты действуют с неодинаковой интенсивностью и потому в разных книгах «История Латинской Америки» мы увидим разный порядок размещения исторического материала¹.

Стремясь к выявлению основных причинно-следственных связей, мы в то же время не забывали, что история — всегда продукт деятельности людей, причем не только масс, социальных групп, партий, но и отдельных личностей, игравших подчас трагические и героические роли. Поэтому мы хотели в своем труде донести горячее дыхание истории, драматизм ее конфликтов: и горькую участь пленника испанцев индейского вождя Атуэя, заживо сожженного на костре за попытку защитить свою землю; и тревожную напряженность гуаякильского свидания, навсегда воздвигшего стену между двумя великими латиноамериканцами — Боливаром и Сан-Мартинем; и отчаяние бразильского президента Ж. Варгаса, ценой собственной жизни вдохнувшего новые силы в патриотическое движение в защиту национальной экономики².

¹ Иванов Г.И. «Революции в Латинской Америке. I-четверть XIX века» М.: Наука, 1998

² Иванов Г.И. «Революции в Латинской Америке. I-четверть XIX века» М.: Наука, 1998

Практическое значение: Материалы исследования могут быть использованы при написании фундаментальных трудов по Всемирной истории , а также при проведении практических и теоретических занятий в рамках курса «Всемирная история», в разработке спецкурсов для студентов исторических факультетов, институтов, университетов, а также для академических лицеев, профессиональных колледжах и общеобразовательных школах.

1.Формы колониальной эксплуатации и управления колониями.

С первых же шагов колониальной экспансии испанская корона приступила к решению задач по управлению открываемыми землями в

Западном полушарии. Конкиста и колонизация нового континента — два параллельно развивавшихся и взаимно дополнявших друг друга исторических процесса.

С 1503 г. в Севилье приступила к работе Торговая палата. Первоначально в ее ведение входили вопросы снаряжения экспедиций за океан, сбор таможенных пошлин, хранение и досмотр всех товаров, прибывших из Америки. В 1511 г. Торговая палата получила право гражданской и уголовной юрисдикции по всем делам, связанным с торговлей и мореплаванием в Западных Индиях.

Однако неуклонно расширявшийся процесс завоевания вынудил испанскую корону уже с 1511 г. передать группе советников ведение дел по заморским территориям. Важнейшей среди административных реформ, предпринятых в начале 20-х годов XVI в. императором Карлом V, стало учреждение 1 августа 1524 г. самостоятельного органа — Королевского верховного совета по делам Индий — со своим президентом, советниками и автономным судопроизводством. Образованная ранее Торговая палата была передана ему в подчинение. Первым президентом Совета по делам Индий стал влиятельный сановник Гарсиа де Лоайса, духовник Карла V, генерал ордена доминиканцев.

В течение двух столетий Совет по делам Индий ведал разработкой основных направлений колониальной политики Испании в законодательной, политической и экономической областях и был наделен широкими полномочиями: назначал должностных лиц всех рангов, как светских, так и духовных, контролировал деятельность колониальной бюрократии, как высшая апелляционная инстанция вершил суд и расправу над жителями колоний. Испанские монархи лично утверждали его решения¹.

По мере приращения колониальных владений в них вводилась централизованная административная система. Первым в 1535 г. было образовано вице-королевство Новая Испания со столицей в Мехико, возникшем

¹ Григулевич И.Р. «Крест и меч: католическая церковь в Испанской Америке» - М., Наука, 1987

на месте разрушенного завоевателями древнего Теночтитлана. До 80-х годов XVI в. Новая Испания включала в себя огромную территорию: Мексику (в ее современных границах), южные штаты будущих США, Центральную Америку (кроме Панамы), Антильские острова и северное побережье Южной Америки до устья Амазонки, а с 1583 г. и далекие Филиппинские острова. Вице-королевство Перу со столицей в Лиме, образованное в 1542 г., включало все испанские колониальные владения в Южной Америке, кроме Венесуэлы, принадлежавшей до 1556 г. торговому дому Вельзеров, а также Панаму в Центральной Америке. При этом обширные пространства Гватемалы, Антильских островов, Новой Гранады (современные Колумбия и Эквадор) вошли в соответствующие вице-королевства на правах генерал-капитанств — более мелких административных владений, формально подчинявшихся вице-королю. Однако управлявшие им генерал-капитаны имели право самостоятельно сноситься с королевским двором. В отдаленных районах, населенных «незамирными» индейцами, образовывались губернаторства во главе с губернаторами, подчинявшимися вице-королям.

Самый ранний по времени появления институт в американских владениях — аудиенция, «становой хребет административной и судебной системы в колониях». Этот орган колониального управления с широким кругом полномочий учреждался как в крупных городах, столицах вице-королевств, так и в центрах генерал-капитанств и губернаторств. Вместе с территорией, подпадавшей под их юрисдикцию, аудиенции образовывали самостоятельную единицу, совпадавшую с тем или иным генерал-капитанством. Так, например, самая древняя аудиенция Санто-Доминго была установлена на острове Эспаньола в октябре 1511 г., следующая — в Мехико в ноябре 1527 г. Во второй половине XVI в. число аудиенций быстро увеличилось, они были образованы в Лиме (1542 г.), в Санта-Фе и Кито (1547 и 1563 гг.), в городе Ла-Плата (вице-королевство Перу, 1561 г.) и в Сантьяго (1565 г., Чили).

В конце XVI в. вице-королевство Новая Испания делилось на пять аудиенсий: Мехико, Гвадалахара, Гватемала, Санто-Доминго и Филиппины.

При этом власть вице-короля распространялась непосредственно на первые две, над остальными в связи с их удаленностью он осуществлял лишь право верховной инспекции. И Гватемала, и Санто-Доминго фактически управлялись самостоятельно президентами аудиенсий, которые одновременно являлись генерал-капитанами или губернаторами своих владений, соединявшими в своих руках всю полноту власти. Таковы же были взаимоотношения вице-короля Перу с губернатором удаленной от него аудиенсии Чили.

В XVIII в. административное деление Испанской Америки в целях приспособления к новым внешне и внутривластным требованиям подверглось значительным изменениям: в 1739 г. из состава обширного вице-королевства Перу были выделены вице-королевство Новая Гранада (Колумбия, Эквадор, Венесуэла и Панама) и в 1776 г. вице-королевство Рио-де-Ла-Плата, куда вошли земли нынешних Аргентины, Боливии, Парагвая и Уругвая; впоследствии Венесуэла (1777 г.), а затем и Чили (1778 г.) были преобразованы в генерал-капитанства и перешли в прямое подчинение испанскому двору. В связи с переходом в 1795 г. вслед за западной и восточной части острова Санто-Доминго к Франции аудиенсия из Санто-Доминго была переведена на Кубу.

Вся система колониального управления была пронизана жесткой централизацией и бюрократизмом. Высшая власть в колониях вверялась вице-королям, наместникам испанского короля, правившим от его имени, располагавшим всей полнотой политической и экономической, законодательной и военной власти, включая и патронат над церковью подведомственной территории. При этом, однако, деятельность вице-королей и колониальной бюрократии подвергалась самому мелочному контролю со стороны королевского двора, что выражалось как в организации регулярных ревизий, так и в подробных отчетах, которые вице-короли систематически высылали в Совет по делам Индий.

Вице-короли Луис де Веласко (1550— 1564) и Франсиско де Толедо (1568— 1580) были крупными представителями колониальной бюрократии в Новой Испании и Перу. Развернутая ими во второй половине XVI в. программа

реформ содействовала консолидации основ колониального режима в Испанской Америке.

Главной задачей деятельности вице-королей испанская корона считала обеспечение королевской казны растущей долей колониальной прибыли, этого «жирного супа» испанских королей. Аудиенсия, будучи высшей судебной инстанцией в колониях, одновременно обладала совещательными функциями при вице-короле, члены ее замещали его во время долгого отсутствия или болезни, а также контролировали его финансовую деятельность. Предоставленное аудиенсии право прямо сноситься с Советом по делам Индий через голову вице-короля придавало ей независимый характер и превращало ее в канал жесткого контроля, за деятельностью высшего колониального аппарата со стороны правительства. Члены аудиенсии — судьи-ойдорес (от 4 до 8 человек), казначеи, стряпчие, писцы, секретари, а с 1596 г. и протекторы, так называемые «покровители индейцев», — занимались разбором гражданских и уголовных дел, улаживали споры о земельных границах, регулировали взаимоотношения между колонистами и индейцами, ведали «святая святых» — сбором и хранением королевской казны и т. д.

Для управления глубинными провинциями вице-король или генерал-капитан назначали старших алькальдов или коррехидоров из числа испанского дворянства и военной знати. Те, в свою очередь, возглавляли кабильдо органы городской власти в провинциях.

Многочисленные, постоянно растущие кадры колониальной бюрократии, так называемые «летрадос», готовились в испанских университетах. Эта привилегированная прослойка профессиональных юристов и правоведов задавала тон как в Совете по делам Индий, так и в колониальной администрации. Правая рука испанской короны в деле цементирование самих колониальных устоев — местная бюрократия присваивала изрядную долю

колониальных доходов, выступив активным конкурентом метрополии в деле хищнической эксплуатации населения колоний¹.

Огромный размах градостроительства — одна из характерных черт колониационной политики Испании в Америке. К 1513 г. только на Эспаньоле было заложено 17 поселений. В продолжение XVI в. в различных частях Испанской Америки: на развалинах поверженных индейских городов (Теночтитлан и Куско), в местах сосредоточения индейского населения (Кордова, Тукуман, Сантьяго и др.), на горных разработках (Потоси, Оруро, Сакатекас) и на важных морских коммуникациях (Веракрус, Гавана, Картахена, Лима и др.) — были заложены сотни новых городских поселений. Они становились опорными пунктами колонизации края, распространения христианства, административными, ремесленными и культурными центрами.

Согласно законам от 1497, 1529 и 1573 гг. корона безвозмездно наделяла испанских колонистов участками для возведения домов в пределах городской застройки (соларес); резервным фондом — вокруг города (эхидо) с расчетом на его последующий рост и для выпаса скота; коллективным собственником этих земель выступал городской совет — кабильдо. Выделялись также наделы под сады и огороды (чакрас) в предместье, а на периферии большие участки (асьенды или эстансии) для разведения скота. Земли распределялись при условии их освоения в течение ближайших четырех—шести лет. Строго соблюдался сословно-классовый подход при распределении земли: знатные поселенцы получали для застройки участки, в 2 раза, а для обработки в 5 раз превышавшие наделы простых колонистов. Так законодательно вводилась система по сути феодальной иерархии. Как правило, земельный фонд испанских городов образовывался за счет захвата угодий, принадлежавших окрестным индейским общинам, и обрабатывался за счет принудительного труда индейцев.

С 70-х годов XVI в. в колониях, так же как и в Испании, была введена широкая практика продажи (обычно пожизненно) должностей колониальной

¹ Лаврентьев Б.Д. «Налоговая политика метрополий и народы Латинской Америки в XIX в» - М.: 1999

администрации и городского управления «дающему наибольшую цену», в пользу королевской казны. В результате чего с XVII в. автономия молодых испанских городов была резко ограничена, а их управление было монополизировано состоятельной чиновной бюрократией и местной феодальной элитой, всецело поддерживавшими королевскую власть в ущерб интересам прослойки бедных испанских поселенцев и ремесленников.

При осуществлении колониальной политики метрополия имела мощную опору в лице католической церкви. Исключительное право патроната над церковью в Новом Свете, заложенное уже в папских буллах 1493 г., а затем подтвержденное в 1501 и 1508 гг., рассматривалось испанской короной как одна из наиболее важных ее экономических и политических привилегий в Западном полушарии. Оно было даровано Ватиканом испанским королям за тот вклад, который они внесли в дело изгнания мавров с пиренейских земель в процессе Реконкисты¹. Королевский патронат обладал правом назначать представителей высшей и средней церковной иерархии, осуществлять контроль, за их деятельностью, основывать церкви и монастыри, отчислять в свою пользу 1/9 от всей суммы церковной десятины. Огромная армия священников, монахов, миссионеров не только духовно поработала индейское население, но и нещадно эксплуатировала его труд при строительстве храмов и монастырей, обработке угодий, добыче драгоценных металлов.

Как белое, так и черное духовенство пользовалось особой феодальной сословной привилегией — фуэро, освобождавшей их от гражданской и уголовной юрисдикции колониальных властей и предоставлявшей важные налоговые льготы.

На чем зиждилось экономическое могущество церкви? На взимании десятины, которую платило подавляющее число жителей колоний, безвозмездном присвоении первых плодов земледелия и скотоводства, обременительных поборах за духовные требы, частных пожертвованиях, дарениях и завещаниях доходов с земель и имущества, наконец, на торговых,

¹ Григулевич И.Р. «Крест и меч: католическая церковь в Испанской Америке» - М., Наука, 1987

ростовщических и кредитных операциях, которые приняли огромный размах во второй половине XVIII в. Активная скупка выморочных и доходных участков, захват общинных угодий, королевские земельные пожалования превратили католическую церковь к концу XVIII в. в крупнейшего земельного собственника, ростовщика и банкира. Этот красноречивый факт замалчивается консервативными и клерикальными историками. К концу колониального периода ежегодные доходы церкви только в вице-королевстве Перу были равны почти половине (около 2,5 млн песо) доходов королевской казны.

Активную деятельность в колониях развили и монашеские ордена. К началу XVII в. в Новой Испании религиозным орденам принадлежала 1/3 всех общественных и частных зданий, земельных угодий и другой недвижимости; здесь функционировало 400 монастырей, а всего к этому времени в Западных Индиях насчитывалось более 5 тыс. монахов. Полтора столетия спустя францисканцы, наиболее многочисленный миссионерский авангард католической церкви, имели к 1789 г. под своим началом в Испанской Америке и на Филиппинах 241 монастырь, 139 приходов и 163 миссии (редукции). Всего же в канун XIX в. в колониях насчитывалось от 30 до 40 тыс. «служителей божьих» и около 4 тыс. монастырей.

В 1568 г. в Перу, а в 1572 г. в Новой Испании появились первые представители самого воинствующего католического ордена — Общества Иисуса. К 1586 г. иезуиты достигли Парагвая, к 1590 г. проникли в Новую Гранаду, к 1592 г. — в Чили. Созданные ими к концу XVII в. на юге Парагвая 30 миссий, раскинувшиеся на площади в 200 тыс. кв. км, объединили более 150 тыс. индейцев гуарани. Вопреки утверждениям апологетов клерикализма, сия «христианская республика» в действительности представляла полуавтономное теократическое владение со своей армией, в котором индейцы подвергались жесточайшей эксплуатации, представлявшей, по меткому определению П. Лафарга, «остроумную и прибыльную смесь крепостничества и рабства». Это был «гигантский плантационно-скотоводческий комплекс, производство которого шло в основном на экспорт, а доходы присваивались орденом».

Подобные миссии функционировали также на востоке Эквадора — миссия Майнас, в сельве на юго-востоке Боливии (зона расселения индейцев чикитос), в провинциях Сонора и Синалоа на севере Новой Испании и в других местах. Орден иезуитов сосредоточил в своих руках огромные богатства, бросив вызов колониальным властям и самой испанской короне. Так, к 1767 г. под опекой иезуитов находилось более 700 тыс. индейцев, а движимая и недвижимая собственность ордена оценивалась более чем в 70 млн. песо серебром.

С 60-х годов XVI в. в Испании началось наступление контрреформации, ознаменовавшееся, в частности, ужесточением деятельности инквизиции активным преследованием деятелей религиозно-гуманистических кругов. Усиление католической реакции в метрополии немедленно отозвалось на политическом и духовном климате ее американских колоний.

Королевским указом от 1569 г. в Испанской Америке был учрежден трибунал инквизиции, который начал действовать в Лиме в 1570 г., а в Мехико — в 1571 г. Индейцы, как новообращенные, были изъяты из ее ведения, однако негры и мулаты подвергались ее суду. Жестокая духовная цензура проникла во все области колониальной культуры и знания.

Деятели официального католицизма (М. Фернандес де Энсисо, Х. Хинес де Сепульведа и др.) на основе идеологического арсенала прошлого создали и обосновали доктрину раннеколониальной экспансии. Ее краеугольным камнем стало провозглашение принципа «справедливой войны» христиан-европейцев против язычников-индейцев во имя создания испанской «всемирной католической монархии». Так обосновывалось право на завоевание американских народов и их насильственное обращение в правоверную католическую паству, покорных верноподданных слуг испанского короля. Религиозный фанатизм способствовал оправданию и освящению политики беспощадного ограбления населения колоний.

Завоевание и колонизация Нового Света, осуществлявшиеся объединенными усилиями испанской короны, отрядов завоевателей и католического духовенства, сопровождались глубокими социально-

экономическими и идеологическими противоречиями как между этими силами, так и внутри каждой из них. Не выступала единым фронтом и католическая церковь. Ее религиозно-гуманистическое крыло бросило вызов теории и практике колониальной экспансии, которую проповедовал официальный воинствующий католицизм. Испанских гуманистов представляли Альфонсо де Вальдес, секретарь Карла V, известные теологи и юристы Франсиско де Витория (1483— 1546), Хуан Луис Вивес (1492— 1540) и др. Наиболее яркое выражение новые гуманистические идеи, хотя и в своеобразной религиозно-схоластической трактовке, нашли в деятельности и творчестве Бартоломе де Лас Касаса (1474— 1566). Участник и очевидец завоевания, затем монах-доминиканец и епископ, покровитель и защитник индейцев, Лас Касас в течение полувека находился в самой гуще острейшей идейно-общественной борьбы, которая развернулась вокруг политических и этнических проблем, порожденных открытием и завоеванием Америки. За долгую жизнь Лас Касас прошел путь от ожесточенного критика методов и последствий испанской конкисты и „колонизации как преступления «против естественного, божественного и человеческих законов» до осуждения всяких форм колониального угнетения.

Стремясь осуществить на практике свои гуманистические идеи, Лас Касас не однократно предпринимал попытки основать сельские поселения (в Венесуэле, Гватемале, Никарагуа), где бы индейцы и испанские колонисты «мирно и равноправно» сотрудничали в деле освоения богатств американской земли. Эти утопические социальные проекты в условиях колониальной действительности окончились полным провалом. В начале пути он был сторонником завоевания Америки «на справедливых началах» и мирной пропаганды христианства, замены поработанных индейцев африканскими невольниками, как более физически выносливыми работниками. В конце жизни Лас Касас возвысился до радикальной идеи равенства всех рас и народов, осудил рабство негров, выступил с требованием, чтобы испанские

колонизаторы покинули пределы Америки, а независимость индейских народов была восстановлена.

При всем том, что усилия испанских гуманистов не вышли за пределы умеренной оппозиции испанскому абсолютизму, а в ряде случаев и сотрудничества с ним, не изменили кардинально режима колониальной эксплуатации, они сыграли важную роль в зарождении новой испано-американской духовной традиции. Со всем основанием можно утверждать, что Лас Касас, как ключевая фигура испанского гуманизма XVI в., завещал «будущему идеи независимости Америки».

Согласно государственно-административному законодательству Испании, ее американские владения входили «во всемирную испанскую монархию» на положении «присоединенного королевства Индий», что и отражало зависимый, колониальный статус Испанской Америки¹.

Во главу угла всей колониальной политики испанской короны было поставлено нещадное ограбление коренного населения колоний. Именно высокоразвитые земледельческие народы древней зоны цивилизаций, вошедших в состав вице-королевств Новая Испания и Перу, приняли на себя основную тяжесть колониального гнета. Индейское население составляло обособленную так называемую «республику индейцев» и управлялось с помощью специально издаваемых Законов Индий.

Подавляющей части коренного населения была навязана феодальная система эксплуатации, в которой своеобразно переплетались элементы феодальной и рабской зависимости, зачатков ранне капиталистических отношений, усугубленных расовой дискриминацией индейских народов. Причем создававшийся механизм колоний с самого начала был ориентирован на потребности мирового рынка.

Процесс, складывания феодальных отношений в Испанской Америке протекал своеобразно. В его основе лежал сложный синтез элементов

¹ Селиванов В.Н. «Латинская Америка: от конкистадоров до независимости» М.: 1984

разлагавшегося испанского феодализма, привнесенного извне, и самобытных индейских социально-экономических институтов.

Индийская община в своих различных формах, близких к сельской общине (кальпулли — у ацтеков, айлью — у кечуа и др.), сыграла значительную роль в деле включения индейских народов в более высокую социально-экономическую формацию и обеспечила преемственность их исторического развития в колониальный период. Подобно древнегерманской общине— марке, она дала угнетенным массам индейского крестьянства в тяжелых условиях колониальной эксплуатации «локальную сплоченность и средство сопротивления в готовом виде», стала надежным органом самозащиты и самосохранения крупных индейских народов как этнического целого.

Одновременно высокая приспособленность общины к местным экологическим условиям, вековые земледельческие традиции, централизованные формы трудовой кооперации и хозяйственного самообеспечения позволили испанской короне подключиться к эксплуатации людских и природных ресурсов Америки.

Превращение индийской общины в одно из производственных, административных и фискальных колониальных звеньев происходило с помощью как традиционных, так и новых, созданных в результате завоевания институтов. Особенно ярко этот процесс прослеживается на судьбе индейцев, получивших статус государственных крестьян.

Так называемые «королевские индейцы» жили замкнутыми общинами, куда строго запрещался доступ лицам неиндейской крови. Каждая община коллективно владела земельным фондом: одна часть его предназначалась для обработки отдельными семьями с ежегодными переделами земли; другая — леса, воды, пастбища — для совместного пользования, выпаса общинного скота и т. д., и наконец, третья обрабатывалась сообща, урожай с нее поступал в счет выплаты многочисленных налогов, прежде всего подушного, и частично в страховой фонд — общинную кассу, за счет которой содержались вдовы, сироты и инвалиды. Формально сохранявшие автономию, королевские индейцы

оставались под началом традиционных касиков, представителей древней родоплеменной знати, собиравших в королевскую казну «трибуто» и занимавшихся разбором местных тяжб. Королевская власть, признавая касиков в качестве «индейских правителей» согласно «древнему индейскому праву и обычаю», предоставила им ряд важных социальных и экономических привилегий — прежде всего, освободила от уплаты подушного налога и личной службы. Тем самым испанская монархия обеспечивала в среде коренного населения социальную опору осуществления своих колониальных задач. С другой стороны, индейская знать, став частью земельной аристократии колоний и сочетая традиционную власть с административными колониальными функциями, в большинстве случаев феодализировалась, превращалась в угнетателей собственного народа, а интересы испанской короны защищала как свои. Таким образом, индейского общинника закабаляли с помощью индейских институтов.

Как справедливо отмечал Х. К. Мариатеги, признание «общинного строя и его экономического правопорядка говорит о реалистичности и проницательности колониальной политики, но и полностью соответствует теории и практике феодализма», хорошо известной по опыту европейского средневековья.

Однако община, осколок родового строя, как малоподвижный, столетиями самовоспроизводившийся институт, основанный на натуральном хозяйстве, совмещении ремесла и земледелия, архаических орудиях труда, патриархальных культурно-бытовых нормах, обусловил не только стойкость, но и консерватизм, застойный характер общинного уклада в рамках колониального строя. «Испанский феодализм подчинил себе аграрный строй индейцев, сохранив частично его общинные формы, но это сочетание создавало статический порядок, экономическую систему, стагнационные формы которой были лучшей гарантией крепостной зависимости индейцев».

Сверху контроль, за королевскими индейцами был возложен на особых чиновников — коррехидоров (этот институт был учрежден в 1565 г.),

сменявшихся каждые 3—5 лет. Обладая неограниченной властью, коррехидоры в результате спекуляции, ростовщичества, злоупотреблений при сборе подати наживали огромные состояния и стяжали славу самых ненавистных представителей колониальной бюрократии, с помощью которой осуществлялась эксплуатация казенных индейцев в государственных масштабах¹.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОЛОНИЙ

Испанская корона активно использовала и средневековые испанские институты, такие, например, как энкомендарная система, сыгравшая огромную роль в деле первоначального закабаления индейского крестьянства. Уже в 1497

¹ Лаврентьев Б.Д. «Налоговая политика метрополий и народы Латинской Америки в XIX в» - М.: 1999.

г. Колумб получил право репартимьенто— раздела индейцев для различных работ между конкистадорами вместе с землями, на которых те проживали. Такие разделы начали стихийно практиковаться еще в 1495—1496 гг. на Эспаньоле. В 1499 г. уже «на законном основании» более 100 завоевателей получили в разных местах острова обширные земельные владения.

Эти факты подтверждают о том, что конкиста, будучи процессом противоречивым, осуществлялась в феодальных и полуфеодальных формах и, по существу, имела «целью приобретение земель». И действительно, стихийная политика ранних репартимьенто Эспаньолы начала XVI в. получила в дальнейшем законодательное подтверждение в актах испанской короны, принятых в декабре 1503 г. Отныне разрешалось в массовом масштабе предоставлять конкистадорам, чиновникам, священнослужителям в энкомьенду (опеку или попечение) плотно населенные общины и целые округа¹. Это была своеобразная компенсация, форма вознаграждения, которой метрополия оплачивала их услуги в деле увеличения колониальных владений.

Однако лицемерно провозглашая индейцев «свободными и не подневольными людьми», указы в то же время принуждали их «работать в домах христиан, собирать и намывать золото и другие металлы, обрабатывать поля и доставлять еду для поселенцев-христиан». Формально энкомьенда не давала энкомендеро каких-либо юридических прав на землю индейских общин, имелось в виду лишь право на труд индейцев, который предлагалось возмещать «платой или содержанием по усмотрению». На энкомендеро возлагалась обязанность всячески опекать индейцев, наставлять в христианской вере и защищать вверенные владения от вооруженных посягательств со стороны. Энкомендеро получали право взимать с индейцев подать, часть которой отчислялась в королевскую казну. Бургосские законы 1512 г. вновь лицемерно подтвердили «свободный статус» индейцев, но обязали их девять месяцев в году работать на своих «попечителей за плату», при этом менять место жительства запрещалось под страхом смерти. Так законодательно утверждалась

¹ Григулевич И.Р. «Крест и меч: католическая церковь в Испанской Америке» - М., Наука, 1987

тенденция к установлению личной зависимости подневольного индейского крестьянства, прикрепления его к земле. Тем самым были развязаны руки по сути феодальным устремлениям испанских конкистадоров как раз на пороге завоевания обширных районов развитого индейского земледелия в Мексике и Перу.

Исследователями отмечалась противоречивость и двойственность законодательной политики испанских королей, отражавшая разложение феодальных и зарождение капиталистических отношений в метрополии. Объявление индейцев «свободными подданными» короны было типичной мерой распространения на них феодально-вассалитетных отношений. Это делалось во имя эксплуатации миллионных масс индейских подданных исключительно в интересах испанской абсолютной монархии и роста ее политического авторитета. Одновременно ставилась цель максимально ограничить бесконтрольное разрушительное хозяйничанье мощной военной прослойки завоевателей, стремившихся завладеть не только материальными богатствами, но и самой личностью покоренного индейца, который зачастую превращался ими в раба¹.

Однако без влиятельной колониальной элиты испанская корона не приобрела бы огромные владения, а в случае приобретения не смогла бы их удержать. Вот почему законодательными мерами метрополия вынуждена была в определенной степени удовлетворить по сути феодальные устремления завоевателей, надеясь с помощью бюрократического аппарата и бесчисленных законодательных рогаток держать колонии под жестким контролем.

Определенные круги купеческого капитала, активные участники и организаторы колониальной экспансии, представители поднимавшегося в стране капитализма, пытались открыть дорогу новой буржуазной тенденции развития в колониях. Отсюда многочисленные, но тщетные попытки использовать индейскую рабочую силу «по-европейски», т.е. как

¹ Селиванов В.Н. «Латинская Америка: от конкистадоров до независимости» М.: 1984

вольнорабочих работников, ограничить их рабочее время, «справедливо» оплачивать труд, не предоставлять индейцев колонистам, приезжавшим возделывать землю собственным трудом. Весь ход политического и экономического развития, как в самой Испании, так и в колониях с середины XVI в. затруднял развитие в Испанской Америке ростков капитализма.

Несмотря на то что испанская корона в качестве верховного собственника завоеванных земель рассматривала всех жителей колоний как держателей, но не собственников земли, в Испанской Америке с первых десятилетий XVI в. бурно идет процесс создания крупного феодального землевладения. Новоявленная земельная аристократия стремительно превращалась в наследственную феодальную касту, навязав энкомендированному индейскому населению личную, поземельную и судебную-административную зависимость. Один из современников писал о тяжелом положении энкомендированных индейцев Ла-Платы: с ними «обращаются хуже, чем с рабами, так как не было рабов, которых бы так изнуляли работой».

История энкомьенды — это история, с одной стороны, наступления колонизаторов на права и земли индейцев, разорения и уничтожения общины, с другой — постоянной борьбы между короной и крепнувшим крупным землевладением за сохранение общины. Чтобы приостановить процесс экономической и политической консолидации могущественной касты землевладельцев, королевское правительство попыталось пересмотреть энкомендарную систему. Этот шаг объяснялся отнюдь не соображениями «гуманности и человеколюбия», как утверждают консервативные историки, он был следствием вынужденного компромисса. В интересах метрополии было сохранить плотнонаселенные и производительные индейские общины, «экономически дееспособные и платежеспособные»¹.

В 1542— 1543 гг. в Барселоне были обнародованы Новые законы: ст. 21 и 23 запрещали обращение индейцев в рабство, ст. 26 изымала энкомьенды из

¹ Терентьев В.Н. «Социальные вопросы развития индейских колоний в новое время» М.: 1999

ведения чиновников, священников и религиозных организаций и передавала их в королевскую казну. Более всего интересы землевладельцев затронула ст. 30: она ограничивала раздачу новых энкомьенд, а старые считались законными до смерти первых их держателей, после чего переходили в казну; воспрещалось также впредь использовать принудительный труд индейцев.

Новые законы встретили ожесточенную оппозицию в колониальных кругах, в вице-королевстве Перу она вылилась в вооруженный мятеж (1544—548) под началом известного конкистадора Гонсало Писарро и убийство вице-короля Нуньеса де Велы. Ввиду решительного сопротивления влиятельных колониальных кругов метрополия, заинтересованная в сохранении колоний и защите их от нараставших притязаний со стороны европейских держав, была вынуждена пойти на компромисс с колониальной олигархией. В 1549 и 1561 гг. был вновь подтвержден закон, запрещающий использовать личный труд индейцев в энкомьендах и заменять налог отработками под видом личных услуг. Однако право владения энкомьендой было продлено указами 1545, 1579, 1601 гг. на три поколения в Перу и на пять поколений в Новой Испании с выплатой их владельцами высокой годовой ренты в казну. Так, с течением времени энкомендеро превратились в наследственных владельцев зачастую неделимых и неотчуждаемых поместий феодального типа, которые были узаконены и стали одним из источников формирования колониальной асьенды.

Однако в целом после Новых законов энкомьенда утрачивает монопольное положение и к концу XVI в. отходит на второй план (так, если в Перу в 1536 г. каждый 4-й землевладелец был энкомендеро, то в 1555 г. — каждый 16-й); был ущемлен социальный статус энкомендеро, он потерял контроль над индейской рабочей силой и был подчинен надзору коррехидоров. Новые энкомьенды в массовом масштабе уже не предоставлялись, за исключением районов, граничивших с землями «незамирных» индейцев (Чили, Тукуман, запад Новой Гранады и т. д.). Одновременно рост системы пенажа и вольнонаемного труда в течение XVII в. делает энкомьенду экономически невыгодной. Законами 1718—1741 гг. как «истощившийся»

социальный институт она была официально отменена, все оставшиеся владения были переданы в королевскую казну. Тем не менее на Юкатане и в Чили энкомьенда дожила до последней четверти XVIII в., а в глухих местах и до начала XIX в..

С середины XVI в. первостепенное значение приобрела жестко регламентированная система принудительного труда (мита в Перу и куатекиль в Новой Испании). Трудовая повинность индейского населения, широко применявшаяся в раннеклассовых обществах Древней Америки, была превращена колониальными властями в централизованную систему обеспечения рабочей силой различных отраслей хозяйства в невиданном до того масштабе. Это была своеобразная форма феодальной отработочной ренты, отвечавшей интересам испанской короны и большинства колонистов как совокупного эксплуататора. Для любого вида деятельности, «полезного, — по словам испанского документа, — государству и королевской казне», а именно: обработки посевов зерновых, плантаций хлопка, коки, переработки сахарного тростника, выпаса скота, обслуживания хозяйств, землевладельцев, священников, строительства дорог и мостов, общественных зданий, индейцы-общинники привлекались по централизованной разверстке. Законами предусматривалась «справедливая оплата» принудительного труда индейцев деньгами или натурой. В массовой практике она повсеместно игнорировалась и была лишь видимостью «вольного найма».

Наиболее изощренные, варварские формы принял принудительный труд в примитивных ткацких мастерских — обрахе (широко применялся в Перу, аудиенсии Кито и др.) и в горнодобыче (золотые рудники Памплонь, серебряные Марикиты — в Новой Гранаде и на северо-западе Новой Испании), где царили самые бесчеловечные условия труда. Не случайно горная мита на серебряных рудниках Потоси и при добыче ртути в Уанкавелике стала символом колониальных злоупотреблений. Подсчитано, что в течение колониального периода на рудниках Испанской Америки погибло более 8 млн индейцев. «С помощью миты горная промышленность была превращена в

фактор уничтожения человеческого капитала и ликвидации сельского хозяйства», — писал Х. К. Мариатеги. Он первым указал на близость аграрной и полуфеодальной экономики Перу к «историческому развитию царской России» и проделал интересный сравнительный анализ общинного уклада этих стран.

Обложение общинного крестьянства подушной податью было также одной из форм хищнической феодальной эксплуатации индейских масс в государственном масштабе, приводившей к их разорению и закабалению. Индейцы от 18 до 50 лет обязаны были ежегодно выплачивать налог, составлявший львиную долю всех поступлений в королевскую казну. В зависимости от региона налог выплачивался как в денежной, так и в натуральной форме продуктами домашнего хозяйства, которые распродавались затем на публичных торгах; выручка поступала в казну. Денежная форма феодальной ренты, будучи категорией разлагавшегося феодализма, являлась важным фактором развития товарно-денежных отношений в колониях. Поставленное перед необходимостью выплачивать многообразные подати деньгами, индейское крестьянство постепенно втягивалось в качественно новую для себя, отличную от натурального обмена сферу товарного обращения. Однако в целом процесс воспроизводства крестьянского хозяйства продолжал носить натуральный характер.

Между тем со второй половины XVI в. — правление короля Филиппа II (1556— 1598) — в Испании резко обозначился курс на фронтальную консолидацию феодальной реакции. Огромный приток дешевого колониального золота и серебра привел к инфляции, удорожанию испанских товаров, разорению ремесленников, обнищанию широких слоев сельского населения. Ростки капитализма в Испании, набравшие силу в ходе завоевания Америки, стали угасать и приносились в жертву паразитическим устремлениям феодального дворянства и высшего клира. А испанская монархия, укрепив свое положение за счет подавления восставших испанских городов (1521 г.), также повернула к союзу с феодальными сеньорами. Такова была оборотная сторона

колониальной экспансии для метрополии: по словам испанского экономиста XVI в., «золото Америки погубило Испанию». Проводившаяся в этих условиях короной с конца XVI в. политика укрепления и стабилизации колониальной системы принесла с собой усиление феодальных тенденций во всех сферах социальной и экономической жизни Испанской Америки.

Мощный переселенческий поток из Испании в Америку постоянно нарастал в продолжение всего XVI в. Между 1534 и 1538 г. в Новый Свет ежегодно выезжало 2—3 тыс. человек, а к концу столетия выехало около 300 тыс. Резкое увеличение числа испанских колонистов, особенно лиц духовного звания и колониальных чиновников всех рангов, со всей остротой ставило вопрос об обеспечении их значительным фондом свободных земель и рабочих рук. Одновременно с конца XVI в. начался процесс активного хозяйственного освоения глубинных провинций. Рост городов, центров горно-добычи, развитие внутренней торговли ставили вопрос о расширении в колониях посевных площадей под пшеницу, ячмень, рис, хлопок, а также пастбищ. Все большая часть испанского населения включалась в развитие сельского хозяйства. Остро вставшая земельная проблема имела закономерным результатом новое наступление на земли общинного крестьянства. Помимо системы поместий, сосредоточенных в руках потомков первого поколения завоевателей по системе энкомьенды, стихийно начался бурный рост нового крупного частного землевладения. Оно образовывалось за счет массового обезземеливания индейских общин в результате прямого захвата чиновниками и прочими колонистами плодородных угодий и пастбищ, скупки выморочных, заложенных за долги и пустующих участков¹.

В этих условиях испанская корона провела ряд крупных мер по упорядочению аграрных отношений в колониях. Указами Филиппа II от 1591—1592 гг. владельцы незаконно присвоенных земель признавались «подлинными и законными» их собственниками при условии выплаты денежного возмещения в королевскую казну «по соглашению» (так называемая композиция). Впредь

¹ Васильченко А.Ю. «Зарождение капиталистических отношений в недрах Америки» - М.:1999

наделение земель жителей новых городов, раздача пустующих земель производились путем распродажи их на общественных торгах в пользу казны. Особый размах композиции приобрели в XVIII в.

Так, юридически утверждалось расхищение огромных земельных площадей колониальной земельной аристократией, и в то же время создавался дополнительный и немалый источник пополнения королевских доходов, просуществовавший до конца колониального периода. Сложившаяся в этих условиях система крупного землевладения с опорой на колониальную асьенду с XVII в. стала определяющим фактором аграрных отношений в Испанской Америке.

Одновременно с колониальным размахом была решена и проблема рабочих рук. С конца XVI в. в Испанской Америке широко проводилась политика «редукций», согласно которой создавались крупные сельские поселения «на испанский манер», с распланированными улицами, главной площадью и обязательной церковью посередине, куда принудительно свозилось окрестное индейское население. Так, в 70-х годах XVI в. в Чаркасео коло 130 тыс. крестьян-индейцев, живших в 900 общинах, были свезены в 44 новых поселения-редукции, каждое из которых насчитывало около 3 тыс. жителей; в Новой Испании между 1602 и 1605 гг. около 250 тыс. индейцев были перемещены в 187 вновь созданных поселений.

Насильственное перемещение значительных индейских масс на новые места имело далеко идущие экономические и политические цели: обеспечить все отрасли колониального хозяйства дешевым и доступным рынком рабочей силы, надежным поступлением налоговых сборов, облегчить духовный и политический контроль над поработоченными индейцами. Проводившаяся под лозунгом «охраны индейских общин» политика редукций предусматривала наделение их фондом так называемых охраняемых земель — ресгуардоскак в коллективном, так и в личном владении, защиту от проникновения этнически и социально чуждых элементов (колонистов-испанцев и представителей смешанных каст), дабы гарантировать короне жизнеспособность новых общин.

Однако закамуфлированная патерналистской и христианской риторикой политика редуций обернулась для индейского населения новым наступлением на его жизненные права, разложением традиционных и родственных связей, потерей значительного фонда резервных земель.

Законами 1571 — 1572 гг. индейские общины, желавшие продать «излишние» угодья, должны были делать это на торгах в присутствии специально гос. судьи. Широкий размах спекуляций землей, покупки на подставных лиц в купе с практикой композиций придали процессу обезземеливания индейского крестьянства к середине XVII в. прогрессирующий характер.

Одним из результатов этих процессов стало образование многочисленной прослойки безземельного и малоземельного крестьянства, которое покидало общины в поисках средств существования и включалось в трудовую армию городов, центров горнодобычи в качестве работников по найму. Это этнически смешанное, мигрирующее сельское население, так называемые форастерос чужие или беглые индейцы — новая характерная черта экономической жизни Испанской Америки XVII—XVIII вв.

Община переживала процесс глубокой трансформации. Ее основное хозяйственно-производственное ядро составляли орихинариос — первоначальные члены. Именно они, как категория, наиболее обеспеченная землей, несли на себе основные налоговые тяготы и привлекались к трудовой повинности, составляли ее наиболее прочное звено, цементирующее ее вековые патриархальные устои. Резкий демографический спад, постигший индейское население в конце XVI в., вызвал опустение сотен общин. Их пополнение в течение XVII в. шло за счет мигрантов: это были общинники «второго сорта»: агрегадос — присельники и форастерос — чужаки. Оседая в новых общинных коллективах, они не становились их полноправными членами и поражались прежде всего в земельных правах. Так, если агрегадос получали в пользование или арендовали скудные и малопригодные участки, то форастерос фактически становились безземельными батраками, работавшими на общину по найму,

«как не имеющие, — по словам документа эпохи, — ни земли, ни дома, ни имущества».

Лишенные общинного статуса, эти две категории крестьянства освобождались короной от уплаты налогов и «не ходили на миту». Однако со второй половины XVIII в. метрополия в поисках новых источников дохода распространила налоговое бремя на все прослойки. Все эти факторы наполняли общинный уклад глубокими внутренними противоречиями.

Значительный рост числа асьенд, горных разработок, острый дефицит рабочих рук, обезземеливание общин, с одной стороны, и образование значительной прослойки мигрирующего сельского населения — с другой, — таковы социально-экономические факторы, на фоне которых развернулся новый этап феодального закабаления индейских масс. С конца XVI в. документы эпохи зафиксировали широкомасштабный процесс превращения крупными землевладельцами, как малоземельных общинников, так и оторвавшихся от общин крестьян во временных или пожизненных арендаторов земельных угодий асьенд на феодальном праве, т. е. с обязательством нести отработочную, натуральную и другие повинности в пользу асендадо. Наделяя батрака-арендатора землей, асендадо обеспечивал свое хозяйство дешевой рабочей силой, инвентарем и функционирование поместья как хозяйственной единицы. Конкретные пути закабаления были различны. Насильственное переселение маломощных общинников на землю асьенды (Новая Испания) или «добровольное» поселение свободных от общины или энкомьенды «беглых» крестьян (Чили) сопровождалось предоставлением земельного участка, крова, выплаты денег — в долг под будущие отработки или долю урожая. Эта система долгового рабства получила название пеонажа. Выплачивая налог в казну за своих «арендаторов», держа их наполю голодной нищенской оплате ниже прожиточного уровня, опутывая долгами и займами, крупные землевладельцы — асендадо постепенно лишали их личной свободы и низводили до положения феодально зависимых крестьян.

К началу XVIII в. докапиталистические формы эксплуатации в виде системы отработок, разнообразных натуральных, денежных и смешанных форм аренды были широко распространены во всех колониальных владениях: в Новой Испании и Гватемале это были ганьянес, в Новой Гранаде — апарсерос и агрегадос, в Перу — колонос, в Чили — инкилинос и т. д. Особое положение занимали янакуны в районе Чаркаса: в начале XVII в. Их официально насчитывалось 25 тыс. Они были прикреплены к земле и считались неотъемлемой частью крупных поместий. Положение янакуна наиболее приближалось к крепостничеству.

Важно подчеркнуть, что процесс закабаления индейского крестьянства протекал своеобразно: он никогда не был оформлен законодательно, как это имело место, например, в царской России. Напротив, он развивался вопреки официальным мерам в лице Законов Индий, утверждался всей практикой государственного и стихийного бытового закрепощения и закреплялся колониальной действительностью. При этом отношения личной зависимости, внеэкономического принуждения были выражены значительно ярче, чем в самой Испании. В итоге, не будучи крепостными по букве закона, индейцы-крестьяне были связаны различными формами зависимости — от сословного неполноправия до самых грубых форм крепостничества, и подвергались жестокой эксплуатации, в сущности сходной с феодальной.

Лицемерная казуистика Законов Индий вошла в вопиющее противоречие с реальной колониальной действительностью и потерпела крах. Как справедливо отметил Мариатеги, «никакой закон не может нарушить механику феодального строя, если не будут подорваны его основы»¹.

К середине XVI в. относится и появление широко использовавшейся в районах интенсивных горных разработок пока малочисленной прослойки вольнонаемных работников из числа метисов и отпущенных на свободу негров и мулатов (в Потоси — мингадос). Свободный найм получил большое развитие в Новой Испании, где вольнонаемные индейцы (лабориос) работали как

¹ Лавров Н.М. «История Латинской Америки - доколумбовая эпоха – 70 е годы XIX века» - М.; 1991

поденщики за плату и освобождались от подушной подати. Однако в целом применение наемного труда носило ограниченный характер. В большей части Испанской Америки все формы трудовых отношений фактически принимали характер кабальной зависимости, и к началу XVIII в. Отношения пеонажа были распространены не только в сельском хозяйстве, но и на мануфактурах, в прядильных и ткацких мастерских, на рудниках и т. д. Заинтересованный в максимальном ограблении природных ресурсов американских колоний, испанский колониализм пробудил к новой жизни институт рабства. Уже в самом начале XVI в. на Эспаньоле появилась новая этническая категория — африканские негры, ввезенные в качестве рабов для работы на золотых приисках Антильских островов. Торговля невольниками, широко развернутая испанской короной по системе лицензий, а с 1592 г. на основе монопольных контрактов — асьенто, предоставлявшихся как частным лицам, так и португальским, генуэзским, голландским и другим компаниям, приносила ей огромные прибыли. На основе первого асьенто, заключенного лично Филиппом II с португальским торговцем П. Г. Рейнелем в 1595 г., последний получал право в течение 9 лет поставить более 31 тыс. рабов в Картахену, один из самых крупных невольничьих рынков Испанской Америки, на условиях выплаты испанской короне 900 тыс. дукатов (примерно 30 дукатов за каждого раба). Всего же с учетом стремительно нараставшей контрабандной работоторговли, в которую постепенно включились другие европейские государства, объем работоторговли с колониями в конце XVI в. ежегодно выражался в сумме около 1 млн дукатов. Так, за предоставление в 1713 г. английской компании Южного моря асьенто на поставку в течение 30 лет 114 тыс. рабов Испания получила 200 тыс. долл. Между 1600 и 1750 г. в Испанскую Америку ежегодно ввозилось 3 тыс. рабов по официальным контрактам и более 500 через контрабанду. В Картахене и Веракрусе, Гаване и Санто-Доминго действовали крупные рынки «живым товаром».

Африканские рабы ввозились не только на Кубу и другие острова Вест-Индии, но и на Атлантическое и Тихоокеанское побережья Новой Испании и

Новой Гранады, в Чили, Венесуэлу и на Ла-Плату. Рабы были заняты в основном на обработке плантаций сахарного тростника, кофе, какао, хлопка, на горных разработках, в крупных городах в домашнем услужении, в ремеслах.

Декретом от 1789— 1791 гг. Испания сняла ограничения на торговлю рабами с ее колониями, что привело к возрастанию их экономической роли как в плантационном хозяйстве Антильских островов, так и в горнопромышленном секторе Новой Гранады и т. д. Так, с 1791 по 1805 г. на Кубу было ввезено столько же рабов (более 90 тыс.), сколько за предыдущие два с половиной столетия.

К 1823 г., по приблизительным подсчетам А. Гумбольдта, всего в американских владениях проживало около 800 тыс. негров — 4 % всего населения. 389 тыс. — на Кубе и Пуэрто-Рико и почти столько же на континенте. При этом 300 тыс. негров на материке и 260 тыс. негров на Кубе являлись рабами. Всего же к этому времени в Испанской Америке насчитывалось более 2300 тыс. лиц африканского происхождения (негров, мулатов и т. д.).

Эту весьма сложную многоукладную социально-экономическую структуру Испанской Америки середины XVIII в. дополнял родоплеменной уклад индейских племен, живших на периферии колониальных владений. Арауканы на юге Чили, куна в Панаме, яки на севере Новой Испании сохраняли традиционный патриархальный образ жизни и продолжали оказывать колонизаторам упорное сопротивление. В специфических условиях обширных южноамериканских степей образовалась прослойка крестьянского мелкотоварного землевладения: льянеро в льяносах Венесуэлы и Новой Гранады, гаучо в пампе Ла-Платы, мелкие и средние хозяйства чакрас — свободных и полусвободных крестьян в Парагвае.

В продолжение XVII— XVIII вв. в испанских колониях сложилась крайне пестрая аграрная структура, в которой причудливо сочетались общинно - натуральное, государственное на казенных землях и мелкое частное землевладение. Крупное землевладение, консолидировавшееся к концу XVIII в.

в огромные неотчуждаемые земельные владения — латифундии с помощью феодального права майората, скрепляло основы феодального режима. Лишь в отдельных местах (прибрежные долины Перу и Чили) крупная асьенда перешла на товарное производство экспортных культур (пшеница, сахар, кофе) и объективно развивалась в сторону капиталистического хозяйства¹.

В целом засилье натурального хозяйства, низкое рутинное состояние техники, наличие ярко выраженных форм кабальной зависимости индейского крестьянства, плантационное рабство обусловили широкое распространение докапиталистических укладов в аграрной экономике Испанской Америки. Это определило ее отсталость по сравнению с хозяйством метрополии и значительно тормозило развитие товарного и промышленного производства в колониях.

3. ЗАКРЕПЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО СТАТУСА ИСПАНСКОЙ АМЕРИКИ

К концу XVIII в. в колониальных владениях сложилось многоукладное иерархическое кастовое общество, весьма пестрое не только в социальном, но и в этническом отношении. В этом, по выражению чилийского социолога А. Липшютца, «царстве пигментократии» исключительное значение придавалось цвету кожи. Одновременно с завоеванием на Американском континенте начал развиваться небывалый по масштабам, исторически прогрессивный процесс

¹ Ильинан Н.Г. «Латифундии и аграрный строй на земле карибов и араваки» М.: 1985

этно-расового и культурного смешения представителей народов Европы, Африки и коренного индейского населения Америки. Первоначально выходцы из Испании и индейцы, жившие общинами под управлением традиционных касиков, составляли самые замкнутые группы. Метрополия рядом жестких ограничений пыталась первое время поддерживать обособленный статус индейских общин и африканского населения. Однако стихийно развернувшееся смешение различных этносов, их интенсивное взаимодействие с конца XVI в. принимали все более активный и необратимый характер.

Во всех частях колониальных владений росла численность населения, смешанного в этно-расовом отношении. Образовавшиеся расопромежуточные группы получили в Испанской Америке название «цветных, или смешанных, каст». Наиболее употребительными обозначениями для потомства европейцев и африканцев были мулат и пардо, африканцев и индейцев — самбо, европейцев и индейцев — метис. При этом за испано-индейскими метисами в разных областях Испанской Америки закрепились специфические областные названия: на Ла-Плате их называли гаучо и компадритас, в Перу и Боливии — чолос, в Чили — ротос, в Новой Испании — ладинос. В целом в обиходной речи существовало несколько десятков наименований, отражавших ту или иную степень смешения различных этнических компонентов. В отдельных частях (в Новой Испании и в Парагвае) процесс метисации протекал особенно бурно. Однако в районах сосредоточения таких крупных индейских народов, как кечуа и аймара (Перу, Боливия, Эквадор), в течение всего колониального периода происходило включение в их состав мелких разнородных родо-племенных групп, шла этническая консолидация и формирование новых народностей, что к концу XVIII в. определило полиэтнический состав местного колониального общества.

В этно-социальной структуре XVI—XVII вв. основные линии классовых и этнических различий совпадали. Принадлежность к той или иной социальной категории первоначально, как правило, обуславливалась этническим происхождением. Наиболее бесправное положение занимали негры, жившие в

условиях патриархального рабства в городах и плантационного рабства на плантациях Вест-Индии и океанских побережий. На положении обособленной касты, управлявшейся специальными законами, но причислявшейся колониальными кругами к «низшей подлой расе», находилось индейское население, подвергавшееся нещадной эксплуатации и расовой дискриминации.

Численность индейцев резко снизилась в процессе испанского завоевания и вследствие ряда опустошительных эпидемий оспы, тифа, кори, завезенных европейцами: в Новой Испании между 1519 и 1565 гг. — на 40 %, а к началу XVII в. на ее территории осталось лишь чуть более 1 млн индейцев. В Перу к 20-м годам XVII в. индейское население сократилось вдвое в горах и на две трети на побережье; в Новой Гранаде только в провинции Тунха к этому времени осталась 1 /5 часть податных индейцев (44 тыс. человек). С середины XVII в. индейское население начало медленно расти: с 3950 тыс. в 1650 г. до 6830 тыс. в 1825 г. При этом если в 1650 г. индейцы составляли более 80% населения колоний, то в 1825 г.— лишь 45% . Значительное число индейского населения сохранилось в традиционных зонах расселения — в Центральной Мексике, Новой Гранаде, Перу и Боливии, в провинциях Жужуй и Тукуман (Аргентина), где оно составляло от 35 (НоваяИспания) до 92 % (Кочабамба) всех жителей¹.

Быстрыми темпами росла численность оторвавшихся от общины метисов, выкупившихся на свободу мулатов. Они заполняли городские предместья, становились мелкими торговцами, ремесленниками, работниками шахт и мастерских и находились в более привилегированном по сравнению с индейцами положении: их не облагали подушным налогом и не подвергали принудительной трудовой повинности. Однако они были лишены гражданских прав, не допускались к чиновничьим и офицерским должностям, в учебные заведения, к руководству цехами и выборам в состав кабильдо. К концу XVII в. значение кастовых перегородок начало ослабевать. Так, разбогатевшие представители «цветных каст» получили возможность повышать свой

¹ Чистозвонов А.Н. «Особенности экономической жизни индейцев колоний» М.: 1985

социальный статус и, покупая специальные сертификаты, переходили в разряд «белых», выручка от продажи поступала в королевскую казну.

Показательно, что испанские власти в стремлении увековечить колониальный режим всячески разжигали недоверие и разногласия между различными этническими группами, уповая на смертельную вражду между креолами и индейцами, индейцами и неграми, индейцами и метисами, и т. д. За метисами, как за наиболее активной и динамично растущей прослойкой, закрепился самый высокий среди смешанного населения социальный статус.

Испанцы, или, как презрительно звали их в колониях, «чапетоны, или гачуиины» («выскочки, или новички») занимали господствующие позиции в управлении колониальным обществом. Колониальная бюрократия в лице вице-королей, членов аудиенсий, коррехидоров, высшего духовенства, крупные торговцы и землевладельцы были надежной опорой испанской короны, проводниками колониальных устремлений метрополии. Численность их была ограничена: так, из 6 млн. населения Новой Испании на 1810 г. Они составляли 15 тыс., или 0,25 %, а в целом на 3,2 млн. белых, в том числе креолов, в Америке приходилось лишь 150 тыс. уроженцев Испании.

Уже с середины XVII в. роль важного социально-экономического фактора в колониальной структуре Испанской Америки стали играть американские испанцы — креолы. Термин креол в американских владениях закрепился за потомками первых поколений конкистадоров и колонистов. Креолы считали себя испанцами, однако имели в действительности ту или иную примесь индейской или негритянской крови, а потому третировались колониальными властями как «нечистокровные».

К концу XVI в. креольское население составляло, по различным данным, от 150 до 300 тыс. человек, к середине XVII в. — уже 659 тыс., а к 1825 г. от 3,3 до 4,3 млн. человек. К началу XIX в. креолы преобладали численно в обширных степях провинции Буэнос-Айрес (3/4 населения), на равнинах Уругвая (72 %), севере Чили (69 %), в департаменте Трухильо в Венесуэле (7/10 населения), в южном Перу с центром в Арекипе и других местах.

Города Испанской Америки были традиционными бастионами испанской и креольской знати. В столице Новой Испании — Мехико — в конце XVII в. проживало 140 тыс. жителей, из которых половину составляли испанцы и креолы и половину — индейцы и метисы. В столице Перу — Лиме — насчитывалось 80 тыс. жителей, из них половина приходилась на испанцев и креолов, а другая — на негров и мулатов (40 %) и метисов; в Кито из 70 тыс. жителей 63 % приходилось на креолов и 32 % — на индейцев и метисов.

Состояние демографических исследований по колониальному периоду не позволяет дать точную оценку общей численности населения Испанской Америки к началу XIX в. По имевшимся в распоряжении А. Гумбольдта неполным данным на 1823 г., там насчитывалось около 17 млн. жителей (меньше всех — 785 тыс. — в Венесуэле, больше всех — 6800 тыс. — в Новой Испании), в том числе: 7530 тыс. индейцев (45 %), 5328 тыс. представителей метисных групп (32%), 3276 тыс. — белых (19%) и 776 тыс. — негров (4 %).

К концу колониального периода креольское население не было однородным в социальном отношении. Креольская верхушка представляла новую земельную и денежную аристократию, разбогатевшую на торговых операциях, плантационном хозяйстве, собственников крупных поместий, рудников, мануфактур, военных чиновников и лиц свободных профессий. Положение обедневших креолов — мелких землевладельцев, ремесленников, рабочих шахт и мастерских, пеонов, мало чем отличалось от положения других представителей угнетенных низов.

Переходные метисные, мулатные и креольско - метисные группы к концу XVIII в. стали теми основными компонентами, из которых начали складываться локальные варианты этнических общностей со своим социально-экономическим укладом, своеобразным культурным и психологическим обликом — прообраз будущих колумбийцев, мексиканцев, аргентинцев и др. Одновременно формировалась идея континентального единства как результат экономического и духовно-культурного обособления колоний. Это проявилось, в частности, в том, что уроженцы Испанской Америки осознавали себя как

«американцы», как «сыны и отцы американского отечества», как «соотечественники» — в противовес испанцам, чужеземцам и угнетателям. Так зарождалась революционная идеология «американизма».

Завладев прочными позициями в экономике колоний, креолы страдали от политического неполноправия. Руководившие низшим и средним звеном местного управления, они фактически исключались колониальными властями из сфер высшего административного и церковного управления, связанных с реальной политической властью. Так, все 170 вице-королей, назначенных в Испанскую Америку до 1813 г., прибыли из Испании, из 705 епископов — только 105, а из 602 генерал-капитанов и губернаторов — лишь 14 были назначены из числа креолов, уроженцев колоний. С середины XVIII в., когда упрочилось экономическое положение креольского населения в колониях, оно все настойчивее стало стремиться к рычагам управления. Однако испанская монархия решительно препятствовала осуществлению этого радикального стремления.

Синтез социальных, материальных и культурных традиций народов Европы, Америки и Африки, развернувшийся в процессе колонизации Американского континента, ярко проявился в области взаимообмена и взаимнообогащения достижениями земледелия, агротехники, животноводства. Выведенные американскими народами в результате многовековой селекции разнообразные сельскохозяйственные (картофель и кукуруза, тыква и томаты, бататы маниока и т. д.) и технические (хинин, хенекен, табак) культуры заняли ведущее место в мировой экономике. Освоение в продолжение XVI — XVIII вв. древнеамериканских растений народами всех континентов более чем удвоило пищевые ресурсы Старого Света. В свою очередь, и европейские народы обогатили Америку новыми для нее видами сельскохозяйственных растений и животных, буквально преобразивших ее природный ландшафт на всех широтах.

Первоначально испанская корона в целях быстрее освоения колоний содействовала внедрению на американских землях богатого ассортимента европейских сельскохозяйственных культур, а также разведению мелкого и

крупного рогатого скота, завезенного из Европы. В Америке успешно прижились пшеница, овес, ячмень, рис, многие виды садовых и плодовых (апельсины, лимоны, оливки) культур, а также виноградная лоза и сахарный тростник. Обширные виноградники появились в теплых долинах с искусственным орошением в Чили, Перу (под Лимой и Арекипой), в провинции Куйо. Успешно разводились и оливки; особенно быстро росло производство сахарного тростника на прибрежных плантациях Новой Испании, Венесуэлы, Перу и на Антильских островах. Тутовый шелкопряд хорошо прижился в Новой Испании, производившиеся там высоко качественные ткани уже с конца XVI в. вывозились в Южную Америку и на Филиппины.

Обилие и богатство природных пастбищ во всех американских широтах содействовали быстрому распространению различных пород домашнего скота, выючных и тягловых животных (лошадь, осел, мул, бык). Огромный размах получило мясное и молочное животноводство, скотоводство и овцеводство. Корона развивала земледельческие (гранхерия) и скотоводческие (эстансия) хозяйства испанских поселенцев, обеспечивавшие колонии продуктами и сырьем для местной промышленности.

Освоение и распашка значительных земельных площадей, введение более передовой агротехники, сохи и плуга, железных орудий вместо традиционной мотыги или палки-копалки, использование тяглового скота в земледелии, появление неизвестных в Древней Америке колесного транспорта, морских средств сообщения — все эти и другие нововведения объективно представляли значительный шаг вперед в деле создания качественно новых условий жизни и труда в колониях. Однако, следуя корыстным интересам, испанская метрополия намеренно тормозила, а в отдельных случаях и сводила на нет распространение европейских достижений в колониях¹.

В частности, испанские законы запрещали индейцам использовать лошадь, холодное и огнестрельное оружие, европейское платье и многое другое. Захват общинных пастбищ тормозил разведение тяглового скота в

¹ Лавров Н.М. «История Латинской Америки - доколумбовая эпоха – 70 е годы XIX века» - М.; 1991

индейских хозяйствах. Прогрессирующая потеря плодородных земель обрекала индейца-крестьянина хозяйничать на неудобьях с помощью палки-копалки или мотыги. В этих условиях индейские общины были обречены на застой.

В продолжение трех столетий экономика Испанской Америки была всецело ориентирована на удовлетворение нужд колониальной эксплуатации и обречена на однобокое и ущербное развитие. Политика меркантилизма, которой руководствовалась испанская монархия, обрекала экономическую жизнь колоний на полную зависимость от требований метрополии. В XVI—XVII вв. колониальные владения рассматривались в Испании главным образом как аграрно-сырьевой придаток, как источник драгоценных металлов, а с XVIII в. — как огромный рынок сбыта, ориентированный на потребление производимых в метрополии товаров.

Защищая интересы богатых торговцев и землевладельцев Испании, начиная с XVII в. королевское правительство неоднократно запрещало или резко ограничивало производство в колониях тех культур, которые выращивались в метрополии (оливки и виноград, например). Культивирование же сахарного тростника, хлопка, кофе и какао, а также различных специй (корица, имбирь) поощрялось, в частности в Новой Гранаде.

Метрополия всячески тормозила развитие местного ремесла в колониях. Готовые изделия, ткани, одежда, предметы первой необходимости ввозились из Испании, облагались высокими пошлинами (до 400 % первоначальной стоимости) и стоили чрезвычайно дорого. Однако уже с середины XVI в. в Перу и Новой Гранаде появились примитивные мастерские — обрахе, производившие ткани и одежду. Метрополия неоднократно издавала указы, которыми строго запрещалось индейцам применять европейскую технику в ткацком и прядильном производстве. В обрахе производились традиционные предметы одежды — пончо, шали, а также ковры, одеяла, парусина и т. д. Значительные доходы приносили шляпные мастерские в Потоси и Куско. Большим спросом пользовались изделия и ткани из хлопка, выращиваемого в провинции Тукуман, откуда они с конца XVI в. вывозились в Верхнее Перу,

Буэнос-Айрес и Бразилию на сумму до 100 тыс. песо серебром ежегодно. В Новой Испании центрами текстильной промышленности стали Пуэбла, Гвадалахара, Чолула, где производились ткани и одежда из шелка, шерсти и хлопка.

Ремесленное производство как основа простого мелкотоварного хозяйства колоний было сконцентрировано в крупных городах и поселках, центрах горно добычи, дополнялось домашними промыслами крестьян. Это были, помимо текстильных, мукомольные, винодельные, табачные, кожевенные, скобяные и мыловаренные, мебельные и т. п. кустарные предприятия. Так, в торговых кварталах Лимы трудились ремесленники более 25 специальностей. Развитие ремесел в колониях сдерживалось средневековой цеховой регламентацией, засильем крупного землевладения в аграрной структуре, неразвитым внутренним рынком, искусственно тормозилось хищническими колониальными устремлениями: вплоть до начала XIX в. только чистокровные испанцы допускались к основанию новых цехов, становились мастерами особо престижных мастерских — ювелирами или позолотчиками, метис или мулат не мог подняться выше ученика или подмастерья, и т. д.

Уже со второй половины XVI в. в Новой Испании начали спорадически появляться первые предприятия мануфактурного типа, основанные испанскими колонистами.

К концу XVIII в. в отдельных наиболее развитых текстильных центрах широкое распространение получила как централизованная мануфактура (некоторые из них под Куско насчитывали до 400—500 вольнонаемных работников), с широкой специализацией отдельных операций, так и рассеянная, когда жители целого селения — более 1500 человек (Пакайпасопод Куско), работая на дому, обслуживали одну ткацкую мастерскую. Мануфактуры были широко распространены в окрестностях городов Кито, Бояка, Сокорро, Сан-Хиль в Новой Гранаде, в Пуэбле, Гвадалахаре и в Новой Испании. Только в одном Перу (район Куско — Арекипа) к концу колониального периода 300 подобных предприятий поставляли ежегодно на Ла-Плату одежды на сумму

около 1 млн песо. По мимо наемных работников из числа смешанных каст, в прядильных и ткацких мастерских широко использовался принудительный труд зависимых крестьян-индейцев, преступников, а также женщин и детей, подвергавшихся жестокой эксплуатации.

В целом по уровню технической оснащенности, производительности труда, докапиталистическим формам эксплуатации работников, низкому качеству товаров колониальные мануфактурные предприятия далеко отставали от европейской капиталистической мануфактуры, в частности «мастерской мира» — Англии. Сохранение значительных элементов принудительного труда мешало превращению молодой мануфактуры в колониях в чисто капиталистическое предприятие и делало ее скорее «одной из форм адаптации феодализмом факторов, созданных поднимающимся капитализмом».

Вплоть до середины XVIII в. испанская метрополия считала добычу и вывоз драгоценных металлов одной из главных задач экономической политики. Горнодобывающее дело особенно было развито в северо-западных районах Новой Испании (Сан-Луис— Потоси, Сакатекас), в Новой Гранаде (район Чоко— Марикита); только в вице-королевствах Перу и Рио-де-Ла-Плата к концу XVII в. разрабатывалось 1400 месторождений. Испанская корона, получавшая значительные отчисления от добычи металлов, щедро раздавала горные разработки на откуп частным лицам.

Был дан новый толчок развитию горного дела: в 1554 г. в Новой Испании впервые был разработан процесс амальгамирования серебра с помощью ртути. Новый метод позволял вновь использовать накопившиеся запасы отвалов, но потребовал создания системы специальных гидросооружений. Только в одном районе Потоси в 70-х годах XVI в. было построено 132 мельницы для дробления и очистки отвальных пород, содержащих серебро, а также 18 плотин и более 16 км промывочных каналов стоимостью в 10 млн песо. За пятилетие (1576— 1580) добыча серебра в Верхнем Перу поднялась с 5 млн до 19 млн песо. Всего же с 1556 по 1783 г. Испания получила только из Потоси серебра почти на 1 млрд, а из Новой Гранады золота — на 440 млн песо, всего же к

началу XIX в. в метрополию из Испанской Америки поступило драгоценных металлов почти на 5 млрд песо.

Однако эти фантастические по объему поступления золота и серебра, перекачанные из испанских колоний в Испанию, а оттуда в страны Европы, не послужили развитию промышленности и торговли метрополии. Широкий приток «дешевого золота» в Западную Европу вызвал там «революцию цен»: количество находившегося в обращении в конце XVI в. золота удвоилось, а серебра утроилось, что привело в последующем к резкому, в 3—4 раза, повышению цен в Испании. Дорогие испанские товары не выдерживали конкуренции с товарами других европейских стран, что обусловило значительное снижение промышленной и торговой активности Испании и ослабление ее позиций в собственных колониях: в начале XVII в. развитые страны Северной Европы обеспечивали 5/6 промышленных товаров, потребляемых в Испании, и 9/10 товаров, вывозившихся Испанией в колониальные владения.

Королевская торговая монополия на протяжении двух с половиной столетий служила одним из важных источников поступления колониальной прибыли. Торговля с американскими владениями была монополизирована, за исключением краткого периода, крупным торговым капиталом Севильи и Кадиса. Торговые связи осуществлялись исключительно на кораблях, принадлежавших испанцам и управлявшихся испанскими экипажами. Подданным всех иностранных держав запрещалось появляться в американских водах или торговать с колониями под угрозой уничтожения кораблей и грузов. До последней четверти XVIII в. в Испанской Америке для внешней торговли были открыты три порта: Веракрус в Новой Испании, Картахена в Новой Гранаде и Портобело на Панамском перешейке. Торговые связи осуществлялись с помощью, так называемой системы двух флотилий, действовавшей с 1561 по 1784 г. Флотилии формировались до 1717 г. в Севилье, а затем и в Кадисе и насчитывали от 75 до 100 торговых судов и охранявших их военных кораблей. Раз в два года флотилии отправлялись через

Канарские острова в Вест-Индию и там разделялись: одна из них с товарами, предназначенными для колониальных владений в Южной Америке, шла в Картахену и Портобело, вторая, нацеленная на Новую Испанию и Филиппины, следовала в порт Веракрус. Приняв на борт драгоценные металлы, королевскую казну и другие ценные грузы, обе флотилии возвращались в Гавану, а оттуда в Испанию.

Активное развитие горно-добычи и земледелия, специализация по районам обрабатывающих отраслей стали стимулом для укрепления уже в XVII в. Внутри-региональных торговых связей и в целом механизма хозяйственного и экономического самообеспечения колоний. В Испанской Америке к началу XVII в. оформилось несколько таких автономных районов. Карибская группа провинций — побережье Новой Испании, Новой Гранады, Венесуэлы и Антильские острова, прежде всего Куба. Венесуэла поставляла табак и какао в Новую Испанию и на Кубу, Новая Испания — муку, сахар и другие продукты питания на Кубу, Картахена — мелкий и крупный рогатый скот, лошадей на Кубу и в Венесуэлу, и т. д. Интенсивные морские связи объединяли тихоокеанскую группу — Новую Испанию через Панаму с Кито, Перу и далее с Чили. Пшеница, мука, сахар, хлопок, серебро, ртуть уходили из Перу на север, обратно шли строительный лес, медь, красители, товары из Европы, Филиппин и Китая. В свою очередь, Перу установило активные торговые связи через Верхнее Перу (Боливия) с обширным районом Ла-Платы. При этом Лима была главным распределительным центром, монополизировавшим торговые каналы как вдоль океанского побережья, так и внутри континента вплоть до Атлантики.

Стремясь на корню подорвать стремление колоний к экономической самостоятельности, защищая монополию испанского купечества, метрополия неоднократно предпринимала шаги по подрыву как внутренней, так и внешней колониальной торговли.

В 1607—1609 гг. и в последующие годы неоднократно запрещался обмен испанскими товарами между Новой Испанией и Перу под угрозой «вечного

изгнания из Индий, лишения должности и конфискации имущества». Для внутренней торговли местными товарами были открыты по одному порту на севере (Акапулько) и на юге (Кальяо) с правом посылать не более двух кораблей в год. До середины XVIII в. закрыта была прямая торговля вице-королевства Перу и провинций Ла-Платы с Испанией через Магелланов пролив и Атлантику. Креольские торговцы ответили на эти дискриминационные меры широким размахом контрабандной торговли.

Развитие торговли в колониях тормозилось грабительскими пошлинами (так, сиса с продажи парагвайского чая дала в 1778 г. казне сумму, в 10 раз превысившую налоговые поступления с добычи золота), таможенными карьерами, отсутствием дорог, феодальными сборами за пользование мостами и переправами, низкой покупательной способностью местного населения, вследствие чего сдерживался и ущемлялся рост креольского торгового капитала, что вызывало повсеместное недовольство. В то же время всячески укреплялась торговая монополия испанского купечества. В XVIII в., дабы противостоять международной контрабандной торговле в Испанской Америке, были созданы торговые компании по типу голландской Ост-Индской: Гондурасская (1714 г.), Гаванская (1728 г.), в Санто-Доминго (1757 г.). Образованная в 1728 г. Каракасская торговая компания оказалась наиболее жизнестойкой, контролировала рынок Венесуэлы и выплачивала значительные дивиденды в королевскую казну¹.

Одним из наиболее грабительских проявлений режима колониальной эксплуатации в Испанской Америке явился обременительный «налоговый террор», обрушившийся на все слои местного населения. Помимо огромных прибылей от продажи должностей, добычи драгоценных металлов, ртути, от соляных разработок, кроме церковной десятины, подушного налога с индейцев в казну поступали: альмохарифасго — налог на экспорт и импорт товаров в колонии, до 1566 г. составлял 7,5% стоимости товара, а после 1566 г. — 15%; типично феодальная, средневековая алькабала, введенная в конце XVI в., —

¹ Чистозвонов А.Н. «Капитализм в Латинской Америке» (М.:1997)

торговая пошлина в 4—6 %, начислялась при любой купле-продаже на местных рынках. Вместе с индейским налогом алькабала, буквально парализовавшая местную торговлю, составляла самую значительную часть налоговых поступлений. К концу XVI в. в вице-королевстве Перу насчитывалось уже 19 налоговых обложений, а в Новой Гранаде к концу XVIII в. — 29 налогов, которые давали в среднем ежегодно около 3 млн. песо.

Немалым источником доходов испанской короны служила монополия на производство и продажу таких продуктов и товаров, как табак, вино, порох, гербовая бумага и многие другие. Мертвящими цепями «налогового деспотизма» метрополия сковывала развитие промышленности, торговли, зарождавшейся креольской буржуазии и одновременно обеспечивала постоянный некомпенсируемый вывоз совокупного продукта, производившегося народами Испанской Америки.

Феодализм в колониях носил исключительно хищнический характер. Над индейским крестьянином надстраивалась целая пирамида угнетателей: от испанской короны и многочисленной колониальной светской и церковной бюрократии до местных креольских помещиков и ростовщиков, владельцев рудников и мастерских, включая, наконец, и прослойку индейской знати. Эта ситуация отягощалась еще и тем, что колонии оказались включенными в более широкую систему мирового капиталистического рынка на положении зависимого звена. Мировой рынок, по мнению прогрессивного мексиканского историка Э. Семо, революционизировал один сектор экономики (горнодобыча, производство колониальных товаров — красителей, пряностей, сахара, хлопка, табака), подавлял другой, подвергаемый интенсивной эксплуатации (натуральное хозяйство индейских общин), а остальные (периферийные районы) оставлял прозябать в нищете.

В целом формировавшаяся на протяжении колониального периода многоукладная социально-экономическая структура развивалась в условиях феодального способа производства и соответствовавшей ему сословно-иерархической политической надстройке. Феодальный уклад, получивший

наибольшее развитие в экономике Перу, Боливии и Эквадора, подчинял все остальные хозяйственно-экономические формы (общинно-натуральную, мелкотоварную, рабовладельческую), тормозил созревание капиталистических отношений.

Заключение

К концу XVIII в. в социально-экономическом развитии Испанской Америки наметились глубокие сдвиги. Колониальная система изживала себя, превратившись в сильнейший тормоз дальнейшего роста промышленности, сельского хозяйства, внутренней и внешней торговли. Тяжелым бременем на население испанских владений ложились военные расходы метрополии. Испанская корона на протяжении всего XVIII в. вела длительные разорительные войны: в 1701 — 1714 гг. — война за Испанское наследство; в 1740—1748 гг. — война за Австрийское наследство; в 1756—1763 гг. Семилетняя война, последняя поглотила 89,5% всех доходов, поступивших из вице-королевства Перу.

Стремясь консолидировать пошатнувшиеся позиции в колониях, обеспечить резкий рост колониальных доходов для финансирования начавшегося экономического подъема в Испании, метрополия в период правления короля Карла III (1759— 1788), представителя просвещенного абсолютизма, осуществила в Испанской Америке ряд реформ. В феврале 1767 г. был опубликован акт об изгнании иезуитов из испанских владений и конфискации всех принадлежавших ордену огромных материальных богатств. Затем была пересмотрена торговая политика. Принятый в 1778 г. новый торговый Регламент» устанавливал режим «свободной торговли» между 13 портами Испании и 24 портами Испанской Америки, разрешал торговать с иностранными колониями. При этом, однако, монопольные позиции в наиболее прибыльной трансатлантической торговле и судоходстве остались в руках испанского купечества. Снимались ограничения на торговые отношения в пределах континента и между различными колониальными владениями, которые отдавались на откуп креольским торговцам. При этом главной целью новой торговой политики стало превращение колоний в огромный рынок сбыта товаров активно развивавшейся испанской мануфактуры и в поставщиков сельскохозяйственного сырья для трансатлантического экспорта (сахар, кофе, табак, кожи). За десятилетие (1778— 1788) объем внешней торговли колоний увеличился на 700 %.

Укрепились экономические позиции, политический и социальный престиж креольской торгово-посреднической и ростовщической буржуазии. В 1789 г. в Буэнос-Айресе насчитывалось более 200 процветающих купеческих семейств, в торговую гильдию Лимы входило более 300 крупных торговцев.

Реформы вызвали непредвиденные последствия, в колониях начался сложный противоречивый процесс ломки устоявшихся экономических связей. Так, ослабли связи Новой Испании и Кубы: последняя стала поставлять сахар и табак на рынки США и предпочитала дешевую американскую муку более дорогой мексиканской. Верхнее Перу традиционные связи с Лимой переориентировало на Чили и Буэнос-Айрес. Чили, полностью зависевшее от

Лимы в течение трех веков, установило прямые торговые отношения с Новой Испанией. Нарушение привычных связей привело к ожесточенной конкуренции традиционных товаров (пшеница, вино, сахар и т. д.), к поиску новых рынков сбыта как в колониях, так и за пределами Америки, что в целом носило прогрессивный характер.

В эти годы была проведена регламентация ремесленного производства, которая фактически обернулась значительным ущемлением интересов и деловой активности креольского и цветного населения: в частности, им запрещалось создавать мануфактуры в колониях «во благо испанских подданных». Одновременно хлынувший в Испанскую Америку поток дешевых европейских товаров привел к негативным последствиям — свертыванию местного ремесленного производства и еще слабых мануфактур, утечке национальной валюты, что дало знать о себе уже в канун XIX в.

Радикальные изменения произошли и в административном управлении. Из состава обширного вице-королевства Перу было выделено новое вице-королевство — Рио-де-Ла-Плата (1776 г.), куда вошли земли нынешних Аргентины, Боливии, Парагвая и Уругвая. Венесуэла, Чили и Куба были преобразованы в генерал-капитанства и перешли в прямое подчинение испанскому двору. Внутри колоний по французскому образцу вводилась система интендантств и округов. Поставленные во главе их интенданты и субделегаты получали твердое государственное жалованье. Одновременно ликвидировались должности губернаторов и коррехидоров, ставших зловещими символами колониальных злоупотреблений и коррупции. Показательно, что при чистке административного аппарата креолы в массовом порядке заменялись выходцами из Испании. Существенно ограничивалась власть вице-короля, при котором учреждалась постоянная должность генерального ревизора. Чувствительно ущемлялось привилегированное положение креольского духовенства. Эти меры имели целью ужесточить контроль за деятельностью колониальной бюрократии и закрепить колониальный статус Испанской Америки.

Между тем на пороге XIX столетия в Испанской Америке ускорились темпы экономического развития, наметился рост производительности труда и товарности производства, как в экспортных отраслях сельского хозяйства, так и в местной промышленности: хлопкопрядении, ткачестве, табаководстве, горном промысле и судостроении. Так, в наиболее экономически развитой Новой Испании в канун XIX в. общая стоимость ремесленного производства обрабатывающих отраслей составляла уже около трети валового продукта колонии в 228 млн песо. Ремесленная продукция оценивалась в 30 млн песо, из них на долю мануфактурных предприятий приходилось 7—8 млн. Текстильная отрасль поставляла на внутренний рынок товаров на 10 млн. песо, в ней было занято 60 тыс. человек (от индейца-крестьянина до городского ремесленника), которые обслуживали более 14 тыс. ручных станков и более 40 обрахе.

После реформ 70—80-х годов XVIII в. внутри колониальных владений начали формироваться устойчивые территориально-хозяйственные комплексы, элементы внутреннего рынка; расширялась сфера применения наемного труда — в мелкотоварном крестьянском хозяйстве Ла-Платы (зерновые хозяйства побережья и внутренних районов — Мендосы, Сан-Хуана), на горнорудных предприятиях и в табачных мануфактурах Новой Испании. Документы конца XVIII в. фиксируют появление обширной прослойки скупщиков, занятых сбытом продуктов ткацкого ремесла и оптовой закупкой сырья. Эти представители купеческого капитала делали первые шаги по включению в ранне-капиталистическую деятельность (особенно в Новой Испании).

Постепенно в Испанской Америке усиливаются элементы капиталистического уклада. Однако при этом он развивался в пределах, ограниченных колониальными потребностями метрополии, и под деформирующим воздействием мирового капиталистического рынка уже на раннем этапе своего генезиса. Формирование раннебуржуазных отношений протекало замедленными темпами с длительными периодами застоя и значительной консервацией докапиталистических форм эксплуатации.

Наиболее заметную роль в становлении капиталистического уклада сыграло аграрно-сырьевое экспортное хозяйство в ряде колоний Испанской Америки, расположенных вблизи основных мировых торговых путей вдоль Атлантики. Растущая промышленность крупных европейских стран к концу XVIII в. требовала огромных масс сельскохозяйственных и сырьевых ресурсов. Так были созданы новые стимулы для развития экспортного хозяйства испанских колоний. В ответ на эти требования на Кубе, на побережье Венесуэлы, Новой Испании и Новой Гранады начался активный рост плантационно-рабовладельческого хозяйства экспортного направления (сахар, табак, хлопок, кофе, какао), рассчитанного на производство для мирового рынка.

На территории Рио-де-Ла-Платы бурное развитие получило экстенсивное экспортное животноводство, охватившее значительные районы в междуречье Ла-Платы, Параны и Уругвая. Оно возникло на базе скотоводческой латифундии — эстансии, где царили докапиталистические формы эксплуатации, преобладал кабальный труд батраков — пеонов. «Латифундистское животноводческое хозяйство Аргентины», пишет советский латино-американист А. И. Строганов, с самого начала «развивалось как звено мировой капиталистической экономики». К концу XVIII в. оно экспортировало не только кожевенное сырье, шерсть, но и значительные партии соленого и вяленого мяса. Таким образом, на основе аграрно-экспортной экономики в Испанской Америке стала расти прослойка крупных землевладельцев, скотоводов и плантаторов, тесно спаянных с креольским торгово-ростовщическим капиталом. Они ориентировались на внешний рынок и стали активным элементом складывания раннекапиталистического уклада.

Именно эти круги формировавшейся креольской буржуазии, выдвинув лозунг «Свободу внешней торговле!», в канун XIX в. вышли на авансцену политической борьбы и выдвинули из своей среды революционную плеяду вождей и руководителей надвигавшейся войны за независимость.

Список использованных литератур

1. Альперович М.С. «История индейского населения Южной Америки»-М.: 1988.
2. Васильченко А.Ю. «Новый мир: от колоний к независимости»- М.:1994
<http://www.ukans.edu/history/>.
3. Васильченко А.Ю. «Зарождение капиталистических отношений в недрах Америки» - М.:1999, <http://www.ukans.edu/history/>.
4. Григулевич И.Р. «Крест и меч: католическая церковь в Испанской Америке» - М., Наука, 1987.
5. Григулевич И.Р. «Миссионеры среди индейцев» - М.:1993<http://www.ukans.edu/history/>
6. Ильинан Н.Г. «Латифундии и аграрный строй на земле карибов и араваки» М.: 1985,
7. Иванов Г.И. «Революции в Латинской Америке. I-четверть XIX века» М.: Наука, 1998
8. Лавров Н.М. «История Латинской америки- доколумбовая эпоха – 70 е годы XIX века» - М.; 1991.
9. Лаврентьев Б.Д. «Налоговая политика метрополий и народы Латинской Америки в XIX в» - М.: 1999. <http://www.ukans.edu/history/>)
- 10.Рошаль П.Т. «Политика европейских держав в Новом Свете» М.: 1983.
- 11.Селиванов В.Н. «Латинская Америка: от конкистадоров до независимости» М.: 1984
- 12.Терентьев В.Н. «Социальные вопросы развития индейских колоний в новое время» М.: 1999
- 13.Чистозвонов А.Н. «Особенности экономической жизни индейцев колоний » М.: 1985.
- 14.Чистозвонов А.Н. «Капитализм в Латинской Америке» (М.:1997)

ИСТОЧНИКИ ИНТЕРНЕТА

1. www.alleng.ru/d/hist/hist162.htm
2. www.istmira.com > [Всемирная история: В 3 ч. Ч. 2. XIX в.](#)
3. ru.wikisource.org/wiki/Страница:История_XIX_века.
4. www.labirint.ru > ... > [История зарубежных стран](#)